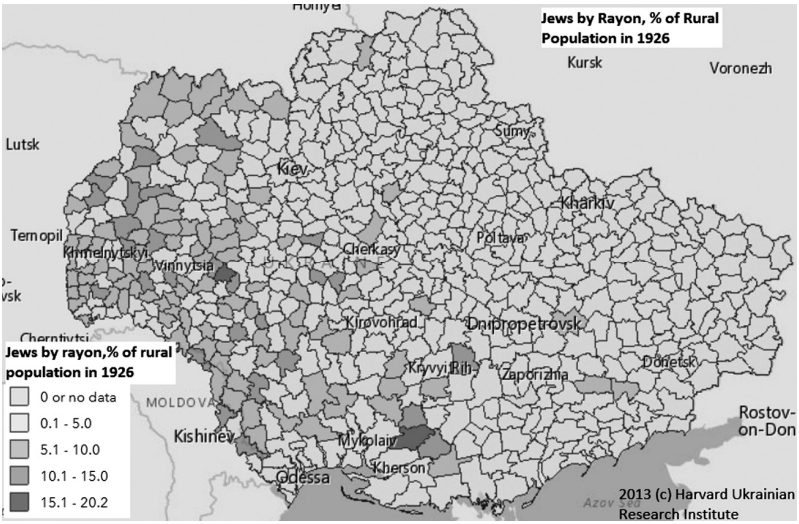
Дарья Анцибор
(Киев)

Феномен «торгсина»: Образ еврея в нарративах о Голодоморе

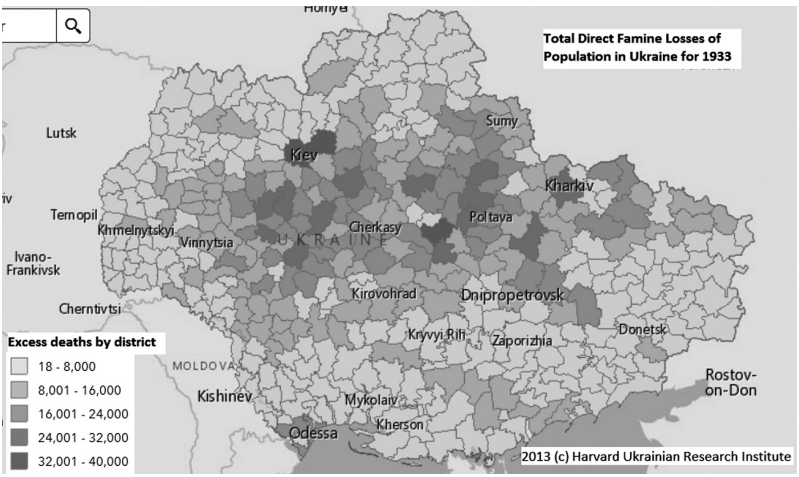
В украинской истории трагедия Голодомора 1932–1933 гг. представляется сложным, противоречивым и часто весьма провокационным предметом исследования, вызывающим множество тем для дискуссий. Исследователи называют среди главных целей искусственно созданного советской властью голода следующие:

1) обеспечить ускоренную индустриализацию посредством изъятия материальных ресурсов, в первую очередь продовольственных;
2) насильственно трансформировать крестьянскую культуру, которая в Украине исторически сложилась на принципах частной собственности и использовании наемного труда;
3) истребить социальную базу национально-освободительного движения, которое в Украине потенциально представляло самую большую опасность. Этим можно объяснить огромное количество жертв на территории УССР (от 4 до 7 миллионов человек) по сравнению с другими республиками Советского Союза, также испытывавшими голод на протяжении 1932–1933 гг.

После проведения административно-территориальной реформы к началу 1930-х гг. Украинская ССР делилась на 25 национальных районов, среди которых было восемь русских, семь немецких, три еврейских, три греческих, три болгарских и один польский [Якубова 2010]. При этом, согласно переписи населения 1926 г., еврейское население составляло 6,5% [Чорний 2001]. На карте 1 нанесено процентное соотношение еврейского населения в районах.



Карта 1
Национальный состав УССР на 1926 г.: еврейское население (%)
(источник: www.gis.huri.harvard.edu)



Карта 2
Карта демографических потерь вследствие Голодомора в УССР,
разработанная Гарвардским институтом украинских исследований
(источник: www.gis.huri.harvard.edu)

Трагедия охватывала все районы без исключения, потому говорить об избирательном характере операции по созданию искусственного голода только для этнических украинцев не приходится. На карте 2 показаны демографические потери во время Голодомора. Районы, густозаселенные евреями, также пострадали (ср. Житомирскую, Винницкую и Николаевскую области на карте 1 и карте 2).

В условиях общей заинтересованности некоторые аспекты исследования культурных взаимосвязей этого периода только начинают освещаться в современном научном дискурсе. Среди них особое место занимает феномен «торгсина» (сокращенное название Специальной конторы торговли с иностранцами на территории СССР), привлекающий все большее внимание исследователей в первую очередь тем, что его расцвет в Украине прямо совпадает с периодом Голодомора.

Целью этого исследования является анализ образа еврея в нарративах о Голодоморе, в частности о «торгсинах», а также представлений украинцев о взаимоотношениях евреев с властью и другими участниками дискурса в этот период.

Среди современных исследователей, занимающихся исторической проблемой «торгсина» в контексте Голодомора, стоит назвать работы как украинских [Горох 2011; Горох 2013; Марочко 2003; Марочко 2008а; Марочко 2008б], так и российских исследователей [Осокина 2009; Павлова 2003]. К семитскому вопросу обращается в своих исследованиях Н. Горох [Горох 2011]. Фольклористические изучения Голодомора проводят украинские ученые [Сокіл 2011; Сокіл 2012; Конончук 1998; Карбан 2015; Карбан 2016].

Источниками исследования служат рассекреченные фонды Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Национальные книги памяти жертв Голодомора, онлайн-ресурсы с воспоминаниями очевидцев Голодомора, а также полевые записи автора.

Официально «торгсины» появились в начале 1931 г. после ликвидации автономии украинских трестов (1929) и окончательного подчинения кредитной кооперации УССР Москве (1930). Их появление было логичным следствием неспособности советской власти удовлетворить потребности как городского, так и сельского населения [Горох 2013]. Коллективная память отражает различное отношение к

«торгсину»: от своеобразного пиетета перед дефицитными товарами (с которых и начиналась контора) до ощущения таинственности. Это были конторы, занимающиеся золотовалютными, нередко спекулятивными операциями, которые переквалифицировались из торговли с иностранцами на торговлю со всеми советскими гражданами именно в 1932–1933 гг. в связи с массовым голодом. Так они фактически стали единственной сетью государственного значения, где население могло приобрести продукты за золото, драгоценности и валюту. В связи с этим аббревиатура «торгсин» быстро обрела альтернативное народное толкование: «торговля сынами» и «торговый синдикат». Встречались также фельетонные расшифровки: «Товарищи, опомнитесь (очнитесь), Россия (революция) гибнет! Сталин истребляет народ» и «Товарищи, остерегайтесь, Россия гибнет! Сталин – изменник народа». Последние, скорее всего, создавались в эмигрантских кругах. У людей, переживавших голод внутри СССР, «преобладала не политическая агитка, а боль, скорбь, надежда и благоговение перед странной организацией “Торгсин”» [Осокина 2009, 306].

Нарративы о «торгсине» рассказывают об опыте обменов и зачастую представляют собой очень эмоциональные тексты. Особое внимание уделяется описанию непростого расставания с семейными реликвиями, которые приходилось закладывать за еду. В отчаянии голодавшие относили последние ценности, и каждая из таких вещей могла быть опредмеченной памятью о предке, которая теперь отдавалась в обмен на жизнь. Так постепенно «Торгсин» превратился в образ национальной и частной травмы, семейной и личной трагедии. С другой стороны, в текстах такого плана часто присутствует осознание, что это был единственный вариант для спасения жизни.

Иным источником были денежные переводы из-за границы, куда отправлялись письма родственникам или друзьям с просьбами переслать хотя бы незначительную сумму для выживания в катастрофических условиях [Мельничук 2010, 204].

Статистика показывает, что на протяжении восьми месяцев в 1933 г. количество «торгсинов» в Украине увеличилось с 72 до 266 [ЦГАВО. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 23. Л. 33; ЦГАВО. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 24. Л. 115]. При этом, естественно, возникала проблема с набором персонала. Ставку делали в основном не на политически выдержанных работников, а на тех, кто разбирался в ювелирном деле, поэтому на

такую работу часто шли и бывшие ювелиры, и часовщики, и зубные техники [ЦГАВО. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 51. Л. 292]. Примечательно, что еврейское население очень активно задействовалось в работе этих структур. Так, на примере кадрового распределения по национальностям в системе «торгсинов» Черниговской области мы видим, что более половины работающих были еврейской национальности.

Национальный состав и распределение по должностям работников Всесоюзного объединения «Торгсин» в Черниговской области на 1 октября 1934 г. [ЦГАВО. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 33. Л. 11б]

	Всего		Руководители контор и их заместители		Заведующие магазинами и их заместители		Продавцы		Приемщики ценностей		Счетный персонал	
		%		%		%		%		%		%
Русские	783	23,4	6	37,5	21	17,8	135	20,9	7	12,1	160	23,0
Украинцы	643	19,2	2	12,5	32	27,1	131	20,3	8	13,8	93	13,4
Евреи	1781	53,3	6	35,5	62	52,5	354	54,9	43	74,1	415	59,7
Другие	129	3,9	2	12,5	3	2,5	25	3,9	–	–	27	3,9

Как мы видим, евреи существенно преобладали среди работников «торгсина», в частности среди продавцов (почти 55%) и особенно среди приемщиков ценностей (74,1%). Этот факт отразился и в фольклорных текстах о Голодоморе. Люди, вынужденные отдавать последнее, подозрительно относились к работникам «торгсинов», с которыми они сталкивались (стоит отметить, что ими были в первую очередь приемщики и продавцы). Из-за этого в меморатах часто упускается слово «торгсин» и происходит замещение: «у евреев выменяли», «у евреев выкупили», «евреи скупали»:

«Помню, что мама с иконы сняла стекло и выменяла у еврея на один килограмм отрубей» (зап. Лукьяненко В. от Воскобойник Веры Пилиповны, 1927 г.р, с. Чулаковка Голопристанского района Херсонской обл., 2008 г.) [НКП Херсонская обл., 620]; или: «Мы жили

рядом с евреями (Хащова тогда была еврейским городком), а они всегда вели какой-нибудь “гешефт” – обмены, займы. Вот так среди евреев и выживали» (зап. Вдовиченко О. от Гарник Степаниды Мефодиевны, 1918 г.р., с. Хащуватое Гайворонского р-на Кировоградской обл., 2008 г.) [НКП Кировоградская обл., 872].

Одновременно стоит помнить о том, что встреча с работниками «торгсина» производила на человека глубокое психологическое впечатление. Н. Горох в статье «Профессия – золото скупать» детально описывает процесс оценки товара, в частности, как приемщик на глазах у клиента отламывал неценные составляющие и заливал азотную кислоту для проверки подлинности изделия, а «в объёмных вещах (браслетах, серёжках) делался небольшой надрез или их просто разламывали» [Горох 2015, 85]. Такое отношение к семейным ценностям, разрывающее связь поколений, сопровождалось повышенным психологическим напряжением, дополнительно влиявшим на слияние понятий «торгсин» и его работников. Иногда в одном и том же тексте встречаются оба понятия как синонимические: «Мама ездила в “**торгсин**” и продавала отцовские золотые кресты, медали, серёжки, святочную одежду, вышитые костюмы, платки **евреям** за фунт муки с опилками» (зап. Горловой М. от Игнатенко Анны Трофимовны, 1931 г.р., с. Щербановка Обуховского р-на Киевской обл., 2007 г.) [НКП Киевская обл., 1327]; «В городе люди тоже голодовали. Был там “Торгсин”, где евреи обменивали продукты за ценности: часы, посуду, золото, кресты» (зап. Онищук О. от Лабезник Анастасии Устимовны, 1923 г.р., с. Колодянки Новоград-Волынского р-на Житомирской обл., 2008 г.) [НКП Житомирская обл., 1025].

Анализируя нарративы о Голодоморе, ключевым можно назвать образ богатого еврея, но коннотации, которые он приобретает, могут сильно отличаться.

К первой группе относятся тексты, где изображается **приспосабливающийся еврей**, который переделывает магазин под «торгсин» в результате объективных причин. В одном случае это нарративы с нейтральной окраской этнической принадлежности, например: «...те, кто жили при власти, они жили неплохо <...> Евреи жили неплохо – владели магазинами, “торгсинами”, и так дальше» (зап. Лопатина О. от Стаменовой Марфы Семёновны, 1923 г.р., г. Гуляйполе Запорожской обл., 2005 г.) [НКП Запорожская обл., 874].

При этом часто прослеживается логическая связь с торговым делом, которым традиционно занимались представители еврейской национальности:

«Были властью организованы торгсины, заведовали ими часто евреи. Они в этом деле мастера» (зап. Карбан А. от Ксёнза Алексея Григоровича, 1922 г.р., г. Миргород Полтавской области, 1997 г.);

«Не умирали те, кто ходили [активистами], а также евреи. Они в нашем селе корчму держали, а когда голод начался, то из корчмы сделали торгсин и меняли золото на зерно, а где ж в селе то золото» (зап. Борисенко В. от Жигадно Оксаны Андреевны, 1926 г.р, г. Боярка Киевской обл., 2008 г.) [НКП Киевская обл., 84];

«Охтырский район, кажется, евреев там было немного. В город ходили, меняли всё на еду, но по дороге надо было пройти лесок, и там их грабили свои, соседи и кумовья, знающие, что в город пошёл. Евреи очень неудобно меняли, но совесть имели, а вот те, кто в лесу – свои же из села, такие же голодные, только сильнее, ни совести не имели, ни милосердия» (зап. Анцибор Д. от Захарченко Елены, 1976 г.р., г. Киев, 2016 г.).

Как мы видим, обвинительные коннотации по отношению к евреям в этих текстах не прослеживаются. Акцент делается именно на замещении в кризисный момент одной торговой деятельности другой, сродной ей.

Во втором случае нарративы о еврее-приспособленце приобретают негативную окраску.

Распространенным является представление о Голодоморе как искусственно созданной операции с целью изъятия всех сбережений у крестьян посредством «торгсинов». Такие объяснения часто всплывают в рассказах о Голодоморе: «Просто Сталин захотел выкачать золото из Украины, вот и сделал голодовку. Выкачал хлеб, а тогда открыл магазины» [Горох 2009, 72].

Известно, что приемщики товара получали существенную прибыль за счет «припека» – разницы между принятым и сданным в банк золотом. Оценщики игнорировали десятые и сотые доли грамма, округляя вес в свою пользу. В среднем «наваривалось» 2–3 г на 1 кг сданного золота [Горох 2015, 87]. Потому евреи, работающие в торговых синдикатах и действительно занимающиеся, как и абсолютное большинство причастных, спекуляциями, начинают ассо-

циироваться с властью, которая не просто отбирала хлеб, а убивала. В народном представлении евреи отождествляются с власть имущими и, соответственно, противопоставляются простым людям:

> …слышал тот рассказ от внучки Гагенмейстера. Там действительно работали евреи… Женщина, дочка немца-директора школы и украинки, рассказывала, за что не любит евреев. Во время Голодомора её мама решилась отнести в торгсин последнее. Свой свадебный подарок от расстрелянного мужа. Фамильные серёжки остзейских баронов. Они стоили целое состояние. Когда еврей из торгсина их увидел, у него глаза аж загорелись. Он знал им цену. Но быстро взял себя в руки, отмерял полстакана муки и сказал: «Не нравится – убирайся. Больше тебе не дадут». В торгсинах работали исключительно евреи, выкачивающие из людей золото. Этот же респондент добавлял: «Крестьянин продавал всё из свого хозяйства, что было. И еврейки из Лохвицы брали то за копейки у голодных, опухлых селян. Сбивали цену, потому что знали, что тем некуда деваться (зап. Анцибор Д. от К., муж., 1979 г.р., г. Полтава, 2016 г.).

Иногда такое противопоставление подчеркивается рассказами о том, что никто из евреев якобы не умирал во время Голодомора:

> В Китайгороде проживало 150 семей [евреев], в Дашеве – около двух тысяч, ни один еврей во время голода не умер, такое же было в Иллинцах и других городках. Они были защищены и им в городах давали пайки [Покрищук 2013].

Отдельно стоит остановиться на достаточно продуктивном в левых кругах мотиве мести за еврейские погромы 1918–1921 гг. [Хандрос 2006], который позже подкрепил другой мотив – о евреях как первых пособниках Москвы в искусственно организованном Голодоморе. С другой стороны, не исключено, что перед нами один из отголосков распространенного во времена Первой мировой войны стереотипа о еврее-шпионе. Если тогда евреи «сотрудничали» с немцами, якобы заражая тифом и венерическими заболеваниями русских солдат и пряча монеты (см. подробнее: Гольдин 2005; Шустер 2005), то теперь, работая в «торгсине», они сообща с властью (где евреи занимали не последнее положение) убивали население, мстя за погромы. Заметим, что этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Такие настроения в основном представлены на разных маргинализованных форумах в Интернете и в соответствующей «научно-

популярной» литературе, например в книге Андрея Кулиша «Голодомор 1932–1933: Причины, жертвы, преступники» (2004). Они могут встречаться в комментариях к статьям о погромах времен Украинской народной республики. Некоторые тексты такого плана зафиксированы в книге Мартена Феллера «Поиски, воспоминания, размышления еврея…»:

> Знакомый израильтянин рассказывал: «В сорок втором во время немецкой оккупации меня, семилетнего мальчика, подобрала не молодая уже, одинокая украинская женщина. Она опекалась мною, как родная мать. Но когда выпьет, говорила: я твоих ненавижу, – из-за них колхозы, голодомор, моя семья вся погибла. Но ты же ребёнок, за тобой нужно присматривать, ласкать [Феллер 1994, 45].

«Еврейский след» в организации Голодомора нередко может связываться исключительно с именем Лазаря Кагановича:

> В 1932 году из Москвы ЦК партии передавались приказы еврею Кагановичу, который был первым секретарём компартии в Украине и который враждебно относился к украинцам. <…> Антинародная власть Кагановича организовывала тройки из бедняков и партийцев-активистов (зап. Карбан А. от Ксёнза Алексея Григоровича, 1922 г.р., г. Миргород Полтавской обл., 1997 г.).

В конце 1980-х гг. в некоторых публикациях даже встречалось словосочетание «кагановический голодомор» [Феллер 1994: 49].

В несколько расширенном контексте о массовом голоде отзывался итальянский консул, работавший тогда в Харькове. В сообщении Министерству иностранных дел Италии он выражал удивление, «почему мир остаётся равнодушным к подобной катастрофе, а международная пресса, будучи настолько настойчивой в требовании международного осуждения Германии за её так называемые жестокие преследования евреев, скромно замалчивает это массовое убийство, организованное советской властью, где именно евреи играют достаточно широкую, если не главную роль» [НКП 2008, 583]. Таким образом, можно говорить о двух уровнях отождествления евреев с властью: глобальный («кагановический голодомор») и локальный («еврей-приспособленец», переделывающий магазин в «торгсин» и при его посредстве изымающий золото у простых людей).

К следующей группе можно причислить тексты (часто безотносительно «торгсина»), в которых реализуется образ доброго еврея, который выступает помощником, своеобразным **спасителем** голодавших.

Как известно, евреи не только работали в «торгсине», но и сами часто становились его клиентами. Зафиксированы тексты о добрососедстве, в которых акцентируется взаимопомощь между евреями и украинцами:

> На Крещатике был специальный магазин, в который люди были вынуждены нести обручальные кольца, серёжки, другие дорогие вещи, а кое-кто – доллары, полученные от родственников из заграницы. В этом магазине были разные продукты. Отец наш тогда работал почтальоном и иногда заносил денежные переводы, поступившие из заграницы нашей знакомой еврейской семье Ровинских, которые знали, что такое бедность, и сочувствовали таким, как мы. Ровинский и давал отцу несколько «бонов» (в банке вместо долларов давали «боны»). За них мы могли купить продукты, и это спасало нас от голодной смерти. <…> Часто с благодарностью вспоминаю семью Ровинских (Осьмушко Иван, г. Киев, «Народная газета», № 37. – 1995) [НКП Киев, 274–275].

Из доступных нам материалов такое отношение зафиксировано в районах, где евреи нанимали к себе на работу или помогали по-соседски:

> Не голодовали те, кто отбирал зерно и другие продукты питания. Нам помогали евреи, которые смогли спрятать кое-что. Чтобы выжить, мы попрошайничали, крали с поля (зап. Коцюпак В. от Косякова Павла Георгиевича, 1917 г.р., пгт. Белозёрка Херсонской обл., 2008 г.) [НКП Херсонская обл., 553];

> Спрятанные продукты искали и хорошие люди, ну их заставляли, а бывало и первые голодранцы ставали активистами. Ой, они противные были! Как тот, который у нас у печи всё попереворачивал рогачами. Всё, что мама сварила, вылил. А еврейчик, был управляющим, хорошим был. И ходит по хате плачет, и вытягивает деньги из кармана, и даёт меньшему деньги, Жене, жалел нас. Ну их заставляли ходить (зап. Коцюпак В. от Косякова Павла Георгиевича, 1917 г.р., пгт. Белозёрка Херсонской области, 2008 г.) [НКП Херсонская обл., 548];

> Где с обысками ходили евреи (а они преобладали в нашем селе), они никогда ничего не забирали, а ещё предупреждали: спрячьте то или пе-

репрячьте другое. И никто в селе не умер. А в соседнем селе Петриковка (сейчас Донецкая область) страх что делалось – забирали всё, что могли, и ещё и говорили: «Знайте, какая ваша советская власть!» (зап. Фомич Н. от Марущенко Любови Павловны, 1921 г.р., с. Зеленополь Розовского р-на Запорожской обл., 2008 г.) [НКП Запорожская обл., 998];

Прадед работал в банке конюхом. Директором банка был еврей. Он так распределял пайку, чтоб и прадеду хватило. Благодаря этому человеку выжили все дети в семье. Когда власть узнала, директора убили за селом ночью (зап. Анцибор Д. от Медведевой Натальи, 1988 г.р., г. Киев, 2016 г.).

Мотив работы на еврея является одним из доминирующих в текстах этой группы. Некоторые рассказы более нейтральны:

В селе также жили евреи, и их мама ходила (нанималась) полоть им огород. И то, что не доедали евреи, ели (зап. Сергеева Н. от Олийнык Антонины Павловны, 1927 г.р., с. Кобыльное Розовского р-на Запорожской обл., 2008 г.) [НКП Запорожская обл., 998];

Ходила мама на зароботки к евреям в Бобровый Кут. Стирала им и за это ей давали то кусочек хлеба, то еще какую-то еду (зап. Барановский Л. от Костенко Анны Васильевны, 1929 г.р., с. Чаривное Великоалександровского р-на Херсонской обл., 2007 г.) [НКП Херсонская обл., 579].

В некоторых текстах появляется эпитет «добрый»:

Добрым словом хочу вспомнить двух начальников цехов, евреев Шера Павла Владимировича (начальника механического цеха) и Горелика Абрама (начальника цеха литья). Именно они принимали в свои цеха тех, у кого в медицинских справках была та пометка [Речь идёт о надписи «безбелковые отёки», с которой респондентка, отвечающая за приём людей в артель, всё равно направляла на рабочие места, где уже начальники решали, что с ними делать – *Д.А.*]. Через несколько дней, как правило, такие работники попадали в больницы, но их семьи обретали возможность получать хлеб по карточкам. Это была возможность выжить (зап. от Болтовой Наталии Тихоновны, г. Мелитополь Запорожской обл., 2007 г.) [Тимофеев 1993: 32–33];

Кое-кто нанимался на службу к евреям в Бердичев. Моя покойная жена Ганя служила у добрых евреев. Рассказывала, что у еврейки был магазин, «торгсин», в котором за золото можно было выменять продукты. Хозяйка приносила домой полные сумки денег. Высыпала и пере-

считывала. На утро Ганя находила под столом или под кроватью то 3, то 5 рублей и отдавала хозяйке. Так было несколько раз, а потом хозяйка Гане доверяла и хорошо её кормила, давала масло, куры. А покойная Харчишина Настя голодала у евреев (зап. Дух Т. от Демченко Александра Филипповича, 1922 г.р., с. Швайкивка Бердичевского р-на Житомирской обл., 2008 г.) [НКП Житомирская обл., 967].

Следующий пример особенно интересен, поскольку развитие образа «доброго еврея» имеет альтернативный вектор:

…мы пошли на еврейские посёлки. Там мы просили есть, а спали на улице, где попало. Или хлеба кусочек, или вареного, или что. А тогда вечером пришёл еврей, взял брата уборную почистить, а еврейка взяла меня фасоль садить <…> [Далее женщина рассказывает о своем брате:] А брат ходил в Николаевке, тоже ж просило есть. Попал к еврею. Еврей его накормил и говорит: «Как тебя звать?», а он говорит: «Ваня». «А ты пойдёшь в МТС учиться?». Он говорит: «Пойду», – и он его забрал, учил специальности, и кормил, глядел его. А тогда, как он выучился, полгода, что ль, было, не знаю, а он и говорит: «Ваня, ты уже получаешь деньги», – давали деньги и продукты, на дом давали. «Езжай домой, узнай, кто есть у тебя живой, забери их сюда в Николаев, и ты будешь работать, получать деньги и продукты, а родители где-то другое что-то делать». Так он и сделал: попривозил их в Николаев, и я пришла. И вот мы там жили в Николаеве, аж пока уже стало хорошо (зап. Кисель В. от Анастасиенко Анны Онисимовны, 1923 г.р, с. Кардашинка Голопристанского р-на Херсонской обл., 2006 г.) [НКП Херсонская обл., 625].

Здесь образ еврея выстраивается по подобию волшебного помощника, согласно предложенной В. Проппом системе функций сказочных мотивов [Пропп 1998, 49]. Он не только спасает от смерти, но также обучает брата (учение как акт своеобразного перерождения) и разрешает ему перевезти всю семью (что можно расценивать как награду за усвоенные знания).

Таким образом, на основе текстов, которые нам удалось собрать и проанализировать, можно выделить следующие особенности нарративов о Голодоморе:

1) в некоторых случаях происходит полное замещение понятия «торгсин», в некоторых «торгсин» и «еврей» выступают как синонимы;
2) в ряде текстов еврей может отождествляться с власть имущими и, соответственно, противопоставляться простым людям.

Возможно, причина тому – работа на государственной службе, причем не всегда добросовестная, если принимать во внимание факты спекуляций и «припека»; возможно, это отголоски различных этнических стереотипов про богатого еврея или еврея-обманщика;

3) маргинализируется мотив мести за еврейские погромы 1918–1921 гг., связываемый позже со стереотипом о евреях-пособниках власти в искусственно организованном Голодоморе. Важной составляющей этого процесса является память, которая стирает параллели с погромами: респонденты родились уже позже и застали Голодомор детьми или подростками, т.е. не прорабатывали такие причинно-следственные связи;
4) наблюдается естественная эволюция образа еврея-торговца как результат объективных причин (шинок в условиях повседневных превращается в «торгсин» в условиях экстремальных);
5) примечательными являются тексты, в которых добрый еврей-спаситель дает работу и делится едой или деньгами с голодающими.

Таким образом, проанализировав материалы о «торгсине», можно выделить следующие характеристики еврея: приспосабливающийся еврей (образ нейтральный, иногда негативный), еврей – сообщник власти (резко негативный), еврей-помощник (позитивный) и еврей-спаситель (позитивный).

Литература и источники

Гольдин 2005 – *Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 29–46.

Горох 2009 – *Горох М.В.* Голодомор 1932–1933 років на Борзнянщині // Скарбниця української культури. Чернігів, 2009. Вип. 11. С. 69–74.

Горох 2011 – *Горох М.В.* Етнічне обличчя «Торгсину» (на прикладі Чернігівської облконтори) // XX століття – етнонаціональний вимір та проблеми Голокосту. Дніпропетровськ, 2011. С. 236–246.

Горох 2013 – *Горох М.В.* СРСР та його громадяни: співіснування, сприйняття, ієрархічність (на прикладі Торгсину) (liberte.onu.edu.ua, 2013. Режим доступа: http://liberte.onu.edu.ua/info/tipologia?lang=ukr).

Горох 2015 – *Горох М.* Професія – золото скуповувати // Євреї Лівобережної України. Історія та культура: Матеріали Х наукового семінару. Чернігів, 2015. С. 78–92.

Карбан 2015 – *Карбан А.* Мовно-художні засоби фольклорних оповідань про Голодомор 1932–1933 рр. // Перспективи розвитку філологічних наук. Херсон, 2015. С. 81–84.

Карбан 2016 – *Карбан А.* Специфіка часово-просторової структури усних наративів про голодомор 1932–1933 років // Молодий вчений. 2016. № 6. С. 358–362.

Конончук 1998 – *Конончук Т.* Затемнення українського сонця, або Трагедія голодомору 1932–1933 років у фольклорі України. Київ, 1998 .

Марочко 2003 – *Марочко В.І.* «Торгсин»: золота ціна життя українських селян у роки голоду (1932–1933) // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 90–103.

Марочко 2008а – *Марочко В.І.* Торгсини Києва: хліб за золото // Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932–1933 років в Україні: місто Київ / Відп. ред. В.І. Марочко. Київ, 2008. С. 58–65.

Марочко 2008б – *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор 1932–1933 років в Україні: Хроніка / НАН України. Інститут історії України. Київ, 2008.

Мельничук 2010 – *Мельничук О.* Грошові перекази як джерело доходу системи «Торгсину» в УСРР // Історія України: маловідомі імена, події, факти. Київ, 2010. Вип. 36. С. 203–212.

НКП 2008 – Національна книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні. Зведенний том / Авт. кол.: І. Юхновський (керівник), В. Верстюк (заст. кер.), В. Борисенко, Г. Боряк, Л. Бур′ян, О. Веселова, Л. Гриневич, Г. Єфіменко, С. Кульчицький, Н. Лісунова, В. Марочко, О. Мовчан, Г. Папакін, І. Рикун, В. Теліщак, Н. Топішко / Український інститут національної пам'яті. Київ, 2008.

НКП Житомирская обл. – Національна Книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 рр. в Україні. Житомирська область / Ред. кол.: М.А. Черненко (гол. редк.), В.М. Врублевський, І.О. Рафальський (заст. гол. редк.) / Український інститут національної пам'яті; Житомирська обласна державна адміністрація. Житомир, 2008.

НКП Запорожская обл. – Національна Книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 рр. в Україні. Запорізька область / Обл. редкол.: Старух О.В., Фролов М.О., Тимченко С.М., Турченко Ф.Г., Тедєєв О.С. / Український інститут національної пам'яті; Запорізька обласна державна адміністрація. Запоріжжя, 2008.

НКП Киев – Національна книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні. Місто Київ / Відп. ред. В.І. Марочко / Український інститут національної пам′яті України; Київська міська державна адміністрація. Київ, 2008.

НКП Киевская обл. – Національна книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні: Київська область. / Голова редакційної колегії Ульян-

ченко В. І. Упорядник Гай А.І. / Український інститут національної пам´яті, Київська обласна державна адміністрація. Біла Церква, 2008.

НКП Кировоградская обл. – Національна книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні. Кіровоградська область / Обл. ред. кол.: Дмитренко Т.Т. (голова), Шустер Є.М. (заст. гол.). Відп. ред. Бабенко О.О. / Український інститут національної пам′яті України; Кіровоградська обласна державна адміністрація; Кіровоградська обласна рада. Кіровоград, 2008.

НКП Херсонская обл. – Національна Книга пам′яті жертв Голодомору 1932–1933 рр. в Україні. Херсонська область / Авт. кол.: С.Г. Водотика, С.М. Александровська, В.О. Баранюк та ін. / Український інститут національної пам'яті, Херсонська обласна державна адміністрація. Херсон, 2008.

Осокина 2009 – *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: «Торгсин». М., 2009.

Павлова 2003 – *Павлова И.В.* Торгсины в Западно-Сибирском крае // Экономика и организация. 2003. № 3. С. 162–169.

Покрищук 2013 – *Олександр Покрищук*, дослідник Голодомору-геноциду на Вінниччині: «Сільська родина Шумейків, у якій було 19 дітей, під час Голодомору вимерла повністю» // Барцьось Володимир. Радіо Свобода 08.11.2013 (http://www.old.svoboda.org.ua/dopysy/dopysy/043986/).

Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

Сокіл 2011 – *Сокіл В.* Невербальні засоби вираження в наративах про голодомор // Народознавчі зошити. 2011. № 3. С. 380–390.

Сокіл 2012 – *Сокіл В.* Образи наративів про голодомор // Народознавчі зошити. 2012. № 6. С. 1202–1208.

Тимофеев 1993 – *Тимофєєв В.* Неоголошена війна (спогади свідків, архівні документи та роздуми сучасника про голодомор 1932–1933 років). Тернопіль, 1993.

Феллер 1994 – *Феллер М.* Пошуки, роздуми і спогади єврея, який пам'ятає своїх дідів, про єврейсько-українські взаємини, особливо ж про мови і ставлення до них. Дрогобич, 1994.

Хандрос 2006 – *Хандрос Б.* В ожидании голодной смерти // Еврейский обозреватель. Апрель 2006 (http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=1517).

ЦГАВО – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев).

Чорний 2001 – *Чорний С.М.* Національний склад населення України в XX сторіччі: Довідник. Київ, 2001.

Шустер 2005 – *Шустер Ф.* «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 10–28.

Якубова 2010 – *Якубова Л.Д.* Національне адміністративно-територіальне будівництво в УСРР/УРСР 1924–1940 // Енциклопедія історії України: У 10 т. / Ред. кол.: В.А. Смолій. Київ, 2010. Т. 7. С. 279.

Daria Antsybor
(Kyiv)

Phenomenon of "Torgsin": the image of a Jew in the narratives about Holodomor

The article analyzes the image of a Jew in the narratives about Holodomor (The Great Famine) of 1932–1933 in Ukraine. The particular attention is paid to the texts about "Torgsin" (the arconim of "trade with foreigners") and the analysis of Ukrainian views about the relationship of Jews with the authorities and other participants of the discourse during that period. The following characteristics of a Jew in these narratives are distinguished: adaptable Jew (neutral, sometimes negative), Jew as an accomplice of government (sharply negative), Jew as a helper (positive) and Jew as a savior (strongly positive).